

Лихие приключения вдовы со стажем

Елена Аркадьева

Елена Аркадьева
Лихие приключения
ВДОВЫ СО СТАЖЕМ

<https://litres.ru/74110368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как быть, если твой таинственный недоброжелатель устроил беспредел, в результате которого ты исчезла из списка живущих на Земле? Опять же, ты явилась неожиданной, незапланированной аномалией, которую пока не ждали на Небесах, и тебе там ещё не приготовлено место?

Однако, опыт пятикратного замужества, был по достоинству оценён с точки зрения приобретённых полезных навыков выживания в "чужих системах". И пока в Небесной канцелярии решается вопрос, что делать со мной дальше, мне предложили временную "командировку" в тело молодой женщины, которая устала жить.

Правда для этого придется переместиться в другое время и другую реальность, но всё же, это лучше, чем прозябать в зале ожидания вечности.

Итак, решение принято! Я посланница для спасательной миссии, и мне предстоит стабилизировать внешние

обстоятельства и отстоять наследство молодой вдовы - странный особняк, который предпочитает "жить" по своим правилам.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11.	64
Глава 12.	71
Глава 13	76
Глава 14	83
Глава 15	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Аркадьева

Лихие приключения вдовы со стажем

Глава 1.

Почему такой яркий белый свет разливается повсюду?!

Он не имеет источника, не льётся сверху и не давит снизу. Он просто есть и заполняет всё вокруг, насколько хватает взгляда.

Я сижу на барном стуле где-то посередине этого удивительного пространства. Меня не покидает ощущение высоты. Осторожно опуская босые ноги на пол, я очень хочу почувствовать твердую поверхность, но вместо этого проваливаюсь по колено в странную субстанцию, похожую на холодный рыхлый войлок.

Вернувшись обратно на место, с изумлением рассматриваю длинное платье, что струится по моим ногам, почти сливаясь с этим призрачным светом.

«Где я? – удивляюсь всей нелепости данной ситуации. – Как я сюда попала?»

Я гляжу вперед на линию горизонта – единственного ориентира в этом месте без места. Она – граница между двумя

одинаковыми бесконечностями. Нет звуков, нет движения – только тишина...

Я потеряла счет времени. Сколько я уже сижу на этом стуле? И самый главный вопрос – что меня здесь ждёт?

Неожиданно краем глаза я уловила мимолетное движение, и в белом свете показались две тени, что мгновенно приняли форму женских фигур. Они возникли из пустоты, практически одинаковые, с лицами неопределенного возраста.

Безмятежные, с мягкими чертами и внимательными глазами, эти дамы были одеты в лайковые комбинезоны, облегающие стройные фигуры так плотно, словно вторая кожа.

Своим неожиданным появлением они не нарушили гармонию данного пространства, так как были частью его.

- Мы не ждали вас здесь, - сказала одна из них, двигаясь неслышно в мою сторону.

Её голос звучал тихо, но отчетливо в этой пустоте. В нём не было осуждения, только мягкое удивление, как у научного сотрудника, обнаружившего редкий, но нежелательный образец.

- Ваше время ещё не пришло...

Я смотрела на них, не в силах подобрать нужные слова...

- Произошёл невероятный форс-мажор, - подхватила вторая женщина, её голос был похож на первый, как две капли воды. – На яхте, где вы находились, произошёл взрыв. Вы были ближе всех к его эпицентру.

Я резко мотнула головой, пытаюсь хоть что-то припомнить

из недавних событий, но дамы продолжали информировать меня о случившемся происшествии.

Из их слов я поняла, что моё физическое тело не просто погибло, а разлетелось на мелкие кусочки. Не осталось ничего, что можно было бы собрать, восстановить, вернуть. Полное, мгновенное уничтожение материальной формы...

В их словах не было никакой эмоциональной окраски. Они излагали сухие факты, без должного сочувствия, наблюдая за моей реакцией. Только профессиональная внимательность, как у высококлассных администраторов, столкнувшихся с серьёзной технической ошибкой.

- В данный момент в срочном порядке решается вопрос, что с вами делать дальше, - сказала одна из них бесстрастным голосом. – Потому что на Небесах для вас пока не подготовлено места.

Последняя фраза отозвалась в моей голове отголоском безумия. Не «мы не можем вас принять», а «не подготовлено место»?!

Как в идеально организованной системе, где всё расписано на века вперёд. Моя смерть – не просто трагедия. Она – административная ошибка! Я оказалась здесь без приглашения, без назначенного времени, без подготовленного для меня пространства в иерархии вечности...

- И как теперь быть? – решила задать этим кумушкам вполне резонный вопрос. – Раз я незапланированная аномалия на этом свете, то может быть найдётся какое-нибудь те-

ло, чтобы я смогла вернуться обратно?

В моей голове стал зарождаться целый вихрь размышлений по поводу, кто же мог устроить такой беспредел на яхте, в результате которого я исчезла из списка живущих на Земле. У меня просто руки зачесались со всем этим немедленно разобраться.

Мои собеседницы удивленно переглянулись и о чем-то оживленно зашептались между собой.

Вдруг в поле моего зрения появился ещё один персонаж, стремительно материализовавшийся из пустоты.

Это была девушка в ярко-красном комбинезоне, который резал белизну, нарушая её стерильную гармонию. Она двигалась быстро, уверенно. Её шаги были слышны по незримо-му полу в отличие от бесшумных скольжений моих первых собеседниц. В руках у неё была тонкая папка цвета слоновой кости.

Белые женщины повернулись к ней синхронно, и в их идеальной манере появился едва уловимый оттенок внимания – как к коллеге из смежного, но очень отличающегося департамента.

- Это дело требует немедленного перенаправления, - сказала девушка в красном и протянула им папку.

Дамы принялись детально изучать предложенные их вниманию документы и, наконец, подняли на меня глаза, в которых зародилось неподдельное любопытство.

- Ситуация уточнена, - произнесла первая, и партнёрша

кивнула в знак подтверждения её слов. – Изучив вашу историю, мы видим определенный паттерн: вы пять раз выходили замуж. Это указывает на отличный опыт адаптации. Навыки выживания в чужих системах. Настойчивость в достижении целей, пусть даже эти цели менялись во времени...

Они говорили обо мне, как в досье: наборе приобретённых компетенций, производя анализ ресурса.

- В данный момент в параллельном секторе существует кризисная ситуация, - подхватила вторая. – Молодая вдова находится в критическом психологическом состоянии после потери супруга и не желает продолжать борьбу за его наследство, которое пытаются незаконно отобрать её недоброжелатели. Она близка к самоустранению. Её нежелание жить блокирует любые внутренние ресурсы.

Девушка в красном комбинезоне, сложив руки на груди, кивнула, подтверждая информацию. Как я поняла, она как раз была из кризисного отдела, работая с теми, кто стоит на краю...

- Коллеги предлагают временное решение, - опять взяла инициативу первая. – Вам предлагается занять её место. Войти в её реальность на время, необходимое для разрешения кризиса – отстоять наследство, стабилизировать её внешние обстоятельства. Ваш опыт «выживания в браке» и отстаивание своих интересов в чужих семьях является наиболее релевантным навыком для данной задачи.

Они предлагали мне стать подменной. Не ангелом-храни-

телем, а временным оператором. Моя душа, застрявшая в административном лимбе из-за взорвавшейся яхты, могла получить временную занятость. Не пристанище, а командировку.

- Это не будет вашей жизнью, - добавила девушка в красном, и в её голосе впервые прозвучала не деловитость, а что-то вроде предупреждения. – Это её боль, её память, её мир. Вы будете действовать в рамках её возможностей, но ваша воля и ваш опыт будут двигателями. После выполнения задачи ваш собственный статус будет пересмотрен.

- А я смогу надеяться, что в случае успешного исхода дела отыщется возможность вернуть меня на Землю? – перед окончательным принятием решения я вознамерилась «поторговаться»...

- Мы рассмотрим и эту возможность, - примирительно произнесла сотрудница кризисного отдела.

Это уже кое-что! Я сидела на барном стуле все в тех же потоках белого света. Две бесцветные фигуры и одно ярко-красное пятно. Мне предлагали не покой и не суд, мне предлагали работу. Спасти чужую жизнь, чтобы решить проблему своего незапланированного существования. Из-за административной ошибки Небесной канцелярии я могла превратиться во временного сотрудника кризисного отдела.

- Что это за реальность? – уточнила я.

Белая женщина с папкой позволила себе едва заметную улыбку – первый проблеск чего-то, отличного от абсолютной

нейтральности.

- Если перевести на земное времяисчисление, то приблизительно начало девятнадцатого века, континентальная Европа. Имущественный спор. И много горя, с которым вам предстоит совладать, используя лишь чужую нервную систему. Вы согласны?

Согласна?! В этом белом небытии, где для меня не было места, это слово вдруг обрело вес. Оно было моим единственным рычагом, моим билетом из этого зала ожидания вечности. Я посмотрела на красный комбинезон – символ срочности и кризиса – и кивнула...

Глава 2

Мое сознание прорывалось сквозь тонкую пелену сна. Тепло почему-то болело, и я догадалась, что лежу на крайне неудобном ложе. Это точно не моя постель с ортопедическим матрасом.

Чувствуя подвох, я решительно открыла глаза. Свет в комнате, где мне пришлось ночевать, был тусклым, желтоватым, лившимся из высокого окна с тяжелой деревянной рамой. Потолок, куда уперся мой взгляд, был выполнен из темного дерева с грубыми балками.

Я лежала на широкой кровати с массивным изголовьем, укрытая потертым бархатным покрывалом. Спальня, в которой я оказалась, была достаточно просторной, но на удивление какой-то ветхой, хотя и обставлена со вкусом антикварной мебелью. Резной комод с потертой полировкой, туалетный столик, ковер на полу, на котором уже проступали «тропинки» от долгой ходьбы.

В голове крутилась единственная логичная мысль: я у герцога!

Мой жених, герцог Антуан де Нувель, с которым я решила сочетаться браком в шестой раз, наконец, соизволил пригласить меня в свое имение и позволил остаться на ночь, несмотря на строгость его семейных традиций.

По правде говоря, я, Екатерина Семенова, в свои 52 года

успела побывать замужем пять раз. И вот, когда после смерти последнего мужа приняла решение больше не приближаться к алтарю, встретила Антуана, который уже три года как был вдовцом, но в своем возрасте не растерял вкуса к жизни.

Мы достаточно быстро поняли, что идеально подходим друг другу из-за общности интересов и позитивного взгляда на мир, поэтому решили официально оформить наши отношения, скрепив предстоящий союз традиционной помолвкой, которую мы праздновали накануне на моей яхте.

Надо признать, что в свои лета я была достаточно обеспеченной особой и не привыкла ни в чем себе отказывать. Поэтому с удивлением крутила головой по сторонам, понимая, что окружающая обстановка явно не соответствует моему будущему статусу, а именно титулу герцогини...

Неужели эта ветхость – знак аристократической бережливости? Старый род, древние привычки, они не тратятся на роскошь, а сохраняют традиции. Я почти успокоилась, ощущая прилив сил. Только одна мысль все-таки продолжала терзать мою бедную голову: я не помнила, как мы с герцогом прибыли в его имение.

Последняя картинка, которая ярко отпечаталась в моем сознании, – это яхта, приятный ветерок, Антуан вручает мне бокал с шампанским, чтобы произнести торжественный тост. Потом его отвлекает телефонный звонок, и он, извинившись, отходит в сторону...

Решив, что пора вставать, я опустила на пол свои босые

стопы и застыла в полном замешательстве: где мой суперпедикюр, на который я изрядно потратила не столько деньги, сколько время? И почему мои ноги выглядят так, словно и не мои вовсе?

В полном молчании я опустилась обратно на постель...

Неужели это был не сон? Неужели правда то, что говорили мне эти безликие женщины: я взорвалась на своей яхте, и мое тело разлетелось на множество мелких кусочков? И теперь мне предстоит спасательная миссия особы, которой расхотелось жить...

Я осторожно подошла к зеркалу и медленно подняла глаза. Из треснувшего стекла на меня смотрела совсем молоденькая девушка лет двадцати.

Я отметила, что овал моего нового лица - отточенный и благородный. Черты тонкие, изящные: высокие скулы, прямой нос, бледные, но четко очерченные губы. Природная красота была очевидна, но девушка выглядела больной, и не болезнью тела, а болезнью духа, выедающей всё изнутри...

Кожа была не просто бледной – она была прозрачной, почти фарфоровой с синеватыми тенями под огромными глазами. А глаза... Светлые, серо-голубые, как мутное зимнее небо. В них не было ни чувства, ни даже страха, только пустота. Бесконечная, истощенная пустота, в которой утонула вся воля. Они смотрели на меня из зеркала, и я понимала, что эти глаза принадлежали той, кто больше «не хочет жить».

Волосы пепельно-русые, были убраны небрежно и тяжелой волной ниспадали на худые плечи, подчеркивая их особую хрупкость. Тоненькая шейка с пульсирующей жилкой смотрелась на редкость карикатурно, выглядывая из ворота простой ночной рубашки, висевшей на мне, как на вешалке.

Это была та самая молодая вдова, тело которой я сейчас занимала.

В голове не было ни её мыслей, ни воспоминаний, только физическая оболочка – изящная, благородная, но доведенная до состояния полного истощения и апатии.

Этот сосуд был пуст. И в эту пустоту должна была войти я со своим опытом пяти браков, со своей волей, отточенной в круговороте перипетий и событий, со своим знанием жизни, накопленным за 52 года, со своей злостью к недобрым людям и холодным расчетом, доставшимся мне от белых женщин в лайковых комбинезонах.

Я смотрела в глаза этой «бледной моли» и пыталась найти в них хоть что-то своё. Отражение. Искру. Но там была только бездонная усталость. Чужая усталость. И мое собственное, новое, леденящее душу знание – я теперь здесь! И передо мной стоит задача – отстоять наследство для этой «прозрачной леди», используя её положение, её прошлое, её права.

Но для начала мне надо заставить это тело двигаться и накормить его. Я решительно повернулась и, накинув на себя потрепанный временем пеньюар, вышла в коридор, что-

бы провести полную инспекцию дома, в котором оказалась по воле случая. Это была холодная, четкая решимость «временного оператора», попавшего в крайне неудобный, но рабочий сектор.

Глава 3

Выйдя из спальни, к своему неудовольствию почувствовала, что воздух стал намного тяжелее – запах старого дерева, затхлый, с примесью чего-то кислого ударил мне в нос. На другом конце, у окна, я заприметила немолодую женщину в тёмном простом платье служанки.

Она стояла без дела и откровенно пялилась на меня, не выказывая никакого почтения своей хозяйке. Но больше всего в её облике меня поразила неприязнь, с которой она смотрела в мою сторону.

- Так, - заявила я властно, шагая в её направлении. – Я требую, чтобы мне приготовили завтрак! И почему в спальне не оказалось воды для умывания? Почему воздух такой спертый, словно здесь никогда не проветривали?

- Требуете? – удивилась служанка и с наглой ухмылкой заметила: – А кто вы такая?

Звонкая пощечина стала ей убедительным ответом.

- Ещё вопросы будут? – спросила я ошарашенную тётку, взиравшую с явным удивлением на мою персону. – Тогда жду завтрак в гостиной через пять минут!

Грубьянка ринулась вниз по лестнице, и я стала неспешно спускаться вслед за ней.

Когда я оказалась в гостиной, то даже присвистнула от негодования.

Это было когда-то парадное помещение с большими окнами и роскошными портьерами, но сейчас грязные стекла были не способны пропускать в полной мере солнечный свет, а занавеси с гардин свисали обтрепанными лоскутами. Мраморный камин был покрыт слоем грязи и пепла. На стенах картины казались тусклыми от осевшей пыли. А ковер на полу был не просто потертым, а откровенно грязным с пятнами и следами.

Это было не запустение, а откровенный саботаж. Действующая прислуга позволила дому погрузиться в такое состояние.

В этот момент в гостиную вошла служанка и поставила передо мной поднос с холодным чаем в глиняной кружке и куском черствого хлеба.

- Кухарка сказала, что в доме из съестного больше ничего нет, – нагло заявила девица.

- Это мы ещё посмотрим! – упрямо отозвалась я. – Срочно веди всем работникам собраться в этой комнате!

Злость, холодная и целенаправленная, зажглась внутри меня. Это был не мой дом, но это было моё поле боя. И первое, что предстояло мне сделать при таком раскладе – очистить его от нелояльных элементов.

- Чего застыла, как истукан? – прикрикнула я на упрямыцу, которая стояла у двери с выражением явного недовольства. – Ещё по роже желаешь получить для пущего понимания слов хозяйки?

Девуцу как ветром сдуло. А я принялась грызть зачерствелый сухарь...

Через двадцать минут все собрались в грязной гостиной. Помимо известной служанки здесь присутствовал управляющий, кухарка и её подручная, что служила помощницей на кухне.

- Надо же? – удивилась я. – Мой завтрак на сегодня состоял из ополосков и черствой краюшки, а я, оказывается, оплачиваю работу аж целым двум поварам? Не расточительно ли это с моей стороны? Что скажете, господин управляющий? Сколько нам стоит оплата их труда?

- Ваша милость, всё указано в отчетах, - пролепетал мужичонка, явно не владея цифрами.

- Отчеты! – грозно потребовала я. – Срочно жду ваши хозяйственные книги!

Стараясь выглядеть профессионалом, он ловко юркнул из комнаты и уже через три минуты притащил целый том амбарной книги.

Я раскрыла его на последней странице и начала вслух перечислять расписанные расходы: мясо – 10 серебрянников, молоко – 3 серебрянника, кофе – 9 серебрянников, и это приобретено было только вчера...

- Что ты врешь? – накинулась на него кухарка. – Мы давно не получали свежие продукты!

- Ого? – изумилась я такому повороту событий. – А куда тогда они испарились?

- Господин Олаф увез их с собой, - начал оправдываться управляющий, - я же не мог ему запретить?

- Кто такой господин Олаф? – на автомате переспросила я, чем заслужила недоуменные взгляды всех присутствующих.

- Ваш пасынок, - как бы, между прочим, ответила горничная и гордо добавила: - Наш будущий хозяин.

Теперь мне стала понятна общая тенденция: отстаивать наследство в виде этого дома мне придется в борьбе с собственным пасынком, на стороне которого весь обслуживающий персонал. Тогда понятны и саботаж, и нахальное неподчинение моим приказам. Все ждут, когда я уберусь из этого дома...

Что ж, значит, не дождутся!

- Вот что, друзья мои, - начала я почти ласково. – Пока суть, да дело, вашей хозяйкой на сегодняшний день являюсь я. И мной замечено, что вы совсем перестали стараться. Вы откровенно пренебрегаете своими обязанностями. И состояние дома – прямое тому подтверждение...

Я обвела руками грязный камин, пятна на ковре, драные шторы.

- С сегодняшнего дня вы все уволены! – продолжила я, чеканя каждое слово.

- Вы не можете это сделать! – яростно крикнула горничная.

- Я могу! – в упор посмотрела на неё строгим немигающим взглядом. – Кроме того, чтобы через три часа духу вашего

не было в этом доме! Идите собирать вещи!

Я наблюдала, как их лица менялись на глазах, от недовольства к потрясению и зарождающейся панике. Они не ожидали такого от сломленной молодой женщины, которую привыкли игнорировать, и были явно обескуражены той холодной расчетливой силой, которая пришла в тело «белой моли».

Глава 4.

Неспешно прохаживаясь из комнаты в комнату, чтобы оценить размер причиненного ущерба нерадивыми слугами, которые отправились паковать свои вещи, я вдруг вспомнила свое первое замужество.

Из глубины подсознания всплыл образ той весны – трепетной, юной, всепоглощающей, когда мы с подругой приехали в Москву, полные студенческих грёз.

Но когда я провалила экзамен, практичная Тамарка неожиданно быстро нашла выход.

- Незачем тебе возвращаться в свою трущобу с вечно пьяным отчимом, - недвусмысленно посмотрела она на меня. – Тут одному немолодому профессору срочно требуется помощь. Он заядлый коллекционер, а его многочисленные экспозиции требуют очень тщательного ухода. Ко всему прочему, это должность помощницы по хозяйству с проживанием.

Понимая, что Тамарка в первую очередь пеклась о себе, а именно комнатенка, которую мы снимали, при таком раскладе переходила в личное её пользование, но все равно я была рада возможности остаться в Москве.

Так я познакомилась с Виленом Кузьмичом - сухопарым стариком с глазами, полными юношеского оптимизма.

Вместо инструкций он мне рассказывал историю искусств. А я не просто мыла полы, а замороженно слушала,

открывая для себя совершенно новые грани познания. Через год наших задушевных бесед я поняла, что этот дом для меня стал моим новым миром.

А когда мне исполнилось восемнадцать, он неожиданно прямолинейно сказал:

- Я не могу, Екатерина, предложить вам молодость, но могу отдать всю свою жизнь без остатка, потому что люблю вас как соратницу, как хранительницу очага, как жену.

Это было не просто предложение руки и сердца, а очень значимый для меня поворот судьбы. Я согласилась, хотя понимала, что стала не только его женой, а частью его знаменитой коллекции...

Наша жизнь обрела неторопливый ритм. Мы окончательно перебрались в загородный дом, где Вилен Кузьмич продолжал свои лекции у камина, а я из благодарной ученицы постепенно превращалась в сведущего собеседника. Он начал советоваться со мной о новых приобретениях, и в его глазах я увидела не снисходительность учителя, а уважение коллеги.

Коллекция действительно стала нашей. Я уже не просто обмахивала фарфор от пыли, а знала про каждый сервиз: мейсенский с птицами, парижский с гирляндами, скромный гжельский кувшин, который муж особенно ценил за чистоту формы.

Иногда по вечерам, когда он дремал в кресле, я проходила по комнатам, касаясь пальцами рам и корешков книг, чув-

ствуя странное родство с этими вещами. Мы все были здесь, в этом доме, вне времени, хранители и хранимое.

Посторонние, редкие гости – коллеги-искусствоведы, букинисты – называли меня теперь не иначе как Екатерина Владимировна, и в этом звучала не только формальность, но и признание моего места рядом с ним.

Он старел на моих глазах, и моя роль постепенно менялась. Из соратницы я стала опекуном, из ученицы – хранительницей не только коллекций, но и его самого. Его рассказы иногда путались, и я тихо поправляла даты или имена, а он смотрел на меня с благодарной улыбкой.

- Вы моя память, Катенька, - говорил муж, и это было для меня высшей наградой.

Он ушёл тихо, осенним утром, так же незаметно, как засыпал в своем кресле с книгой. Не было ни драмы, ни надрыва, только тишина, которую я впервые ощутила как физическую пустоту. Дом замер, и в его скрипах я больше не слышала привычных ответов. Не в силах переносить одиночество, я вернулась в городскую квартиру, которую Вилен Кузьмич не очень жаловал.

Так в 22 года я стала вдовой известного коллекционера, всё имущество которого, и движимое и недвижимое, перешло ко мне...

Вдруг мое внимание привлек непонятный шорох, доносившийся из дальней комнаты.

Стараясь как можно тише дышать, я замерла в дверном проёме, прижимаясь к косяку, и наблюдала, как толстые пальцы управляющего ловко отодвинули одну половицу, открывая некую секретную нишу. Оттуда он извлёк небольшой, туго перетянутый шпагатом сверток. Его лицо сейчас выражало явную жадную сосредоточенность. Он даже облизнул губы, торопливо суя свою находку в глубокий карман сюртука.

Всё встало на свои места. Недавнее мое решение об увольнении всей прислуги из-за недопустимого содержания особняка было, видимо, воспринято как сигнал к началу грабежа. И я предполагаю, что управляющий в этом деле далеко не исключение...

Я бесшумно отступила в темноту коридора, чувствуя, как холодная ясность затмевает первоначальную нерешительность. Остановить это в одиночку я была не в силах. Нужна власть или полиция...

Но мысль о том, чтобы разыскивать в незнакомом городе полицейский участок и там, запинаясь, объяснять всё какому-нибудь равнодушному приставу, вызывала лишь отчаяние.

И тогда, словно в ответ на мои мольбы, из самой глубины памяти, не моей, а той, что осталась в этом теле, всплыло четкое и яркое воспоминание - полковник Ричард Брен. Его седые, похожие на щетку усы, смеющиеся глаза и голос, говоривший отцу моей подопечной: «Любая беда, господин Ми-

лтон, - вы сразу ко мне». Он служил в жандармском управлении и пользовался репутацией человека неподкупного и решительного.

Эта мысль стала спасением. Я почти вбежала в рабочий кабинет покойного мужа «прозрачной леди», где недавно была с аналогичным обходом, и села писать записку, которую решила передать с мальчишкой посыльным. Ирвин – вновь дала мне подсказку чужая память.

«Многоуважаемый господин Брен!

Дочь вашего старого друга, господина Милтона, осмеливается побеспокоить вас по делу крайней важности и спешности...»

Я описала все во всех подробностях: увольнение слуг, увиденную сцену с тайником, свои опасения за сохранность дома и попросила, если это возможно, прислать надежных людей.

Найдя Ирвина практически за порогом дома, отправила парнишку с этим письмом в местную жандармерию, очень надеясь на положительный исход дела.

Прошло не более часа, как в передней раздался энергичный звонок. Лично отворив дверь, я увидела на пороге невысокого коренастого господина в штатском, но с прямой выправкой военного. За его спиной маячили две фигуры в жандармской форме.

Замечательные седые усы, щеткой торчавшие вверх, и острый профессиональный взгляд были устремлены на мою

персону.

- Катрин?! – произнес он негромко, и в этом голосе прозвучала и вопросительная нотка, и что-то отеческое. – Получил твое письмо и сразу к тебе...

Глава 5.

Моя проявленная инициатива возымела успех.

Первым к порогу со своим багажом направился управляющий. У него был такой вид, будто его не уволили сегодня за профессиональную небрежность, а он собрался в отпуск по собственному желанию.

Но затем наступил черед жандарма, который спокойно предложил ему открыть саквояж. На лице бывшего работника напыщенное спокойствие сменилось сначала недоумением, а затем тревогой, которая быстро переросла в панику.

Я наблюдала, как полицейский с непроницаемым взглядом открыл сумку управляющего и методично стал осматривать содержимое. Сначала бумаги, одежда, а затем - пачка банкнот, толстая и плотная...

Пересчитав их быстро, без эмоций, служака произнес ровным голосом:

- Здесь сумма, примерно вдвое превышающая ваше годовое жалованье согласно вашим же документам. У вас есть что сказать по этому поводу?

Лицо мужчины стало белым, как бумага. Он пытался что-то объяснить, но слова превращались в бессвязное бормотание.

Это не были просто «найденные деньги», это был факт, доказывающий его скрытую, подлую неблагодарность.

Затем горничная, в багаже которой нашлась небольшая шкатулка со старинными украшениями, явно не по карману этой нахальной особе.

Но самое интересное происходило в комнате кухарки и её помощницы, куда отправился второй жандарм для проверки сборов уволенной прислуги. Их багаж оказался не просто одеждой и мелочами. Это был целый склад, который они были не в состоянии вынести за один раз.

Фамильное столовое серебро, продовольственные запасы: мука, сахар, масло, соленья и многое другое – всё было тщательно упаковано, как для продажи...

Полицейский оценил всё взглядом опытного человека.

- Хватит как минимум на полгода для целой семьи...

Эта «дружная компания» нерадивых слуг изо дня в день создавала себе резерв, грабя этот дом, с особым цинизмом предавая свою хозяйку.

И когда все изъятые вещи – деньги, драгоценности, серебро, продукты - лежали на виду как прямые улики их преступлений, в комнате наступила гробовая тишина.

- Что ж, господа, - пропела я сладким голоском. – Вы избавили меня от мук совести, которые до недавнего времени не давали мне покоя, что я выставила вас на улицу. Теперь вам на несколько лет вперед будет предоставлено государственное жильё с бесплатным питанием...

Когда жандармы увели преступников в полицейский уча-

сток, мы с полковником остались в гостиной одни.

- Говорил я вашему батюшке, Катрин, что этот дом проклят. А он, старый дуралей, ещё определил этот особняк вам в приданое?!

- Расскажите мне эту историю, - живо заинтересовалась я новой информацией, понимая, что память подопечной может просто умолчать этот факт.

Ричард покряхтел, удобнее устраиваясь в кресле, и начал свой рассказ:

-Твой отец, Дуглас Милтон, был отчаянным игроком, всегда верившим в особый фарт. В ту Ночь Всех Святых он оказался за карточным столом с самим герцогом Лэмбери, который поставил на кон этот особняк. А твой родитель поставил всё, что у него было, и даже то, чего у него не было.

Про этот дом в городе давно ходили нехорошие слухи. Шептались, что из этих стен по ночам доносятся не то стоны, не то скрипы, словно само здание дышит и живет своей жизнью. И тени...

Говорили, что каждую ночь из тумана у реки выползают тёмные бесформенные сгустки и тянутся сюда, будто на зов, растворяясь в стенах особняка...

Полковник замолчал, о чем-то задумавшись, но затем вновь продолжил историю, от которой кровь стыла в жилах...

- Твой отец был одержим заполучить это место. И когда карты легли в его пользу, он даже не обратил внимания

на предостерегающие слова своего соперника. Но очевидцы уверяли, что герцог, проиграв особняк, лишь странно улыбнулся, сказав Милтону: «Дом ваш. Надеюсь, вы поладите». После этого он исчез в ночи, и больше его никто в наших краях не видел...

Я провела рукой по холодному дереву подлокотника кресла. Значит, этот дом стал выигрышем в азартной игре у призрачного аристократа. Тогда это объясняет тот факт, что здесь собрано большое количество ценных филигранных предметов интерьера и обихода, которым при должном уходе возможно будет вернуть первоначальный шик.

- Дуглас не считал его проклятым, - продолжил Ричард Брен. – Он считал его особенным, сильным. Говорил, что такой дом должен принадлежать не просто человеку, а тому, кто в состоянии с ним справиться. А потом была твоя свадьба...

На этот раз чужие воспоминания накрыли меня с головой, видимо это являлось для моей предшественницы знаковым моментом. Я закрыла глаза. Свадьба. Катрин восемнадцать лет, а маркизу де Ланжерону – пятьдесят семь. Брак был заключён из соображений долга, титула и, как я теперь понимала, этого самого приданого. Особняк стал свадебным подарком отца, его странным благословением.

Маркиз прожил в этих стенах четыре года, чахнул с каждым днём, словно дом высасывал из него остатки жизни и тихо скончался прошлой осенью, не оставив завещания. Те-

перь мой пасынок, несмотря на плохую репутацию особняка, жаждет заполучить его в своё пользование так сильно, что устроил настоящую травлю своей молодой мачехи...

Я подняла глаза и встретила взглядом с полковником. На его лице можно было явственно прочесть не только жалость к бедной девушке, но и суеверный страх, навеянный воспоминаниями.

- Твой отец, Катрин, очень любил тебя. И он верил в судьбу, считая, что этот дом и есть твоя судьба. Теперь ты здесь полноправная хозяйка во всех смыслах этого слова...

Глава 6

Перед уходом полковник пообещал, что уже завтра закажет в агентстве новую прислугу. Затем он с особым видом вручил мне полицейский свисток и предупредил, что приставит к моим дверям достойную охрану, чтобы я могла спокойно пережить предстоящую ночь.

- Если что-то насторожит тебя, свисти! – напутствовал он меня напоследок. – У парадного и черного входа будут дежурить по два гвардейца, и все же сама будь настороже...

Пообещав этому отзывчивому господину быть предельно внимательной, я приготовила на кухне вполне сносный ужин и прошествовала в рабочий кабинет, неся на подносе нарезку из овощей, тарелку с кашей и небольшой чайник с настоящим, правильно заваренным напитком.

Итак, стараниями своих бывших слуг я стала обладательницей шкатулки с фамильными драгоценностями, изытой у горничной, запасом продовольствия, схороненным кухаркой, и кругленькой суммой денег, сбереженной управляющим и равной его двухгодичному жалованью.

Что ж, неплохо для начала!

Я решила перебрать бумаги на столе покойного хозяина, чтобы отыскать какую-нибудь тетрадь для составления каталога ценностей, имеющихся в этом доме. Будучи дока в этом вопросе, более пяти лет помогая Вилену Кузьмичу ве-

сти учет его коллекционных экземпляров, я не могла оставить без внимания ту великолепную коллекцию настоящих произведений искусства, собранную в этом странном месте.

Вдруг на глаза мне попалась папка, куда я не преминула сунуть свой нос. Внутри лежал один-единственный документ на плотной бумаге с вычурным тиснением.

Заголовок гласил: «Дополнительное и безусловное соглашение к брачному контракту между Эдуардом де Ланжероном и Катрин Милтон».

Сердце на секунду замерло от нехорошего предчувствия. Я начала читать, понимая, что предчувствия меня не обманули...

«...в знак вечной верности и уважения к усопшему, оставшийся в живых супруг обязуется соблюсти траур сроком на один полный год со дня кончины первой стороны...»

Это было логично, почти трогательно. Но следующие слова заставили кровь отхлынуть от лица.

«...в течение означенного года траура строжайше запрещается вступать в любые связи, носящие характер прелюбодеяния, либо допускать по отношению к себе знаки внимания, могущие быть истолкованными как таковые...»

Пальцы, державшие документ, похолодели. Я бегло пробежала текст дальше, и у меня перехватило дыхание.

«В случае нарушения вышеизложенного условия, оставшийся в живых супруг немедленно и безоговорочно лишается прав на всё движимое и недвижимое имущество, вне

зависимости от того, кем из сторон и в какое время оно было приобретено, унаследовано или даровано...»

Вот оно что?! А я все никак не могла понять, на каком основании пасынок пытается оттяпать у меня этот дом! Ведь особняк являлся именно моим приданым...

Надо срочно изучить все тонкости дела по наследованию имущества в этой реальности.

Хотя...

Если бы в свое время у нас с Виленом Кузьмичом был подписан брачный договор, да ещё с таким дополнением, меня бы это смогло уберечь от самой большой трагедии, произошедшей в моей жизни...

Я вновь мысленно погрузилась в свое прошлое, вспоминая те далекие годы, когда я, молодая вдова, вернулась в московскую квартиру...

Загородный дом, в котором я оставила под сигнализацией основную часть коллекции Вилену Кузьмича, посещать пока не собиралась из-за тяжести утраты прежней жизни.

Сделав генеральную уборку в квартире, я твердо решила навести порядок и в своих мыслях, чтобы начать жить дальше ...

Как по волшебству, на следующий же день позвонила Тарма. Голос в трубке был звонкий, уверенный, с легкой хрипотцой от сигарет. Мы не виделись с ней все годы моего замужества.

- Катюша, родная! Я всё знаю! Тебе сейчас нельзя быть одной! – и вот она уже здесь, в моей гостиной, пахнувшая дорогими духами и с множеством новостей.

Сначала её визиты были спасением. Она приносила пирожные, трещала без умолку, заставляя меня пить горячий крепкий чай. Терпеливо слушала мои тихие обрывочные воспоминания о покойном муже, о наших посиделках у камина, о коллекции, над которой он работал долгие годы.

Я хваталась за эти рассказы, как утопающий за соломинку, пытаюсь доказать себе, что те годы, проведенные рядом с Виленом Кузьмичом, не были выброшены на ветер...

А Тамарка слушала, кивала, а потом, словно невзначай, уточняла:

- Да, конечно, он оставил тебе достойное наследство: дом, квартиру, коллекцию. А каковы масштабы его приобретений?

Я, ничего не подозревая, утопала в сладких воспоминаниях и рассказывала о библиотеке первых изданий, о редких картинах, фарфоре, табакерках и многом другом, открывая сокровищницу, не понимая в тот момент, что даю инвентарную опись.

Затем в мою тихую гавань начали входить «молодые силы». Стараниями подруги квартира стала наполняться непривычной для меня суетой. Художники с горящими глазами, говорившие о будущем; молодые поэты, читавшие странные, дерзкие стихи; разудалые актриски, смеявшиеся

слишком громко.

- Катька, надо впустить в эти стены жизнь! Выгнать призраков! - убеждала меня Тамарка.

Я была смущена, немного напугана, но польщена. После пяти лет затворничества в доме со стареющим супругом эта божественная вольница казалась глотком свободы. Я была в центре внимания, живым экспонатом – молодой вдовой с трагической и романтической историей. Подруга, как хозяйка «салона» всех знакомила, всем уделяла внимание, а её вопросы о коллекции становились всё детальнее...

А потом появился ОН!

Его звали Виктор. В тот роковой вечер он запоздал и появился значительно позже, когда очередное веселье было в самом разгаре. Этот мужчина был не просто красив, он был великолепен! Его глаза цвета моря перед бурей пронзили моё бедное сердце насквозь, и весь шумный вечер вдруг стих в моем восприятии.

И познакомила нас, конечно же, Тамарка.

- Катюша, позволь представить тебе Виктора. Он просто обожает всё, что связано с эпохой Возрождения. Вы с ним найдете, о чем поговорить.

Мужчина взял мою руку, и его прикосновения были одновременно нежными и уверенными. Он не говорил пустых слов соболезнования, а просто заговорил о Вольтере. И я пропала...

Уже несколько месяцев не чувствовавшая ничего, кроме

ледяной тяжести утраты, я вдруг ощутила слабое, трепетное тепло где-то глубоко внутри. Это было похоже на луч света, пробившийся в запертую комнату.

Я ещё не знала тогда, что этот луч был не солнцем, а искусственным прожектором, направленным точно в сердце моей крепости. И что «дирижировала» этим светом всё та же «заботливая» подруга, для которой я, мои воспоминания и моё наследство были всего лишь меркантильным интересом, а Виктор – самым талантливым и красивым ходом в её игре.

Глава 7

Уверенно встряхнув головой, пытаюсь отогнать тягостные воспоминания, я продолжила поиски тетрадки для составления каталога ценностей этого дома.

Неожиданно я услышала из коридора тяжелый, яростный топот бегущих ног. Дверь кабинета с грохотом распахнулась от резкого удара плеча, врезавшегося в резную дубовую панель.

Полноватый молодой человек лет тридцати пяти, появившийся на пороге, заполнил собой весь дверной проём. Его красное от бега лицо было искажено невероятной злобой.

Олаф де Ланжерон – подкинула мне информацию память «прозрачной леди». Значит, это и есть пасынок, который претендует на особняк.

- Что ты себе позволяешь? – его голос, хриплый и громкий, неприятно резанул мой слух в абсолютной тишине кабинета. – Безродная выскочка! Почему ты уволила слуг?

Я намеренно медленно поднялась из-за стола, ощущая, как холодный гнев заполняет меня целиком. Мой голос прозвучал тихо, ровно, спокойно на фоне его первобытного рёва:

- Решила очистить дом от скверны.

Он замер буквально на секунду, видимо, мозг не успел переварить такую дерзость. Потом что-то щелкнуло в его ма-

леньких, запавших глазах. Звериная, тупая ярость. Он не стал кричать снова, лишь сделал два быстрых шага вперед, и его короткая, толстая рука с размаху врезалась мне кулаком прямо в грудь, чуть ниже ключицы.

Воздух вырвался из моих легких с ошеломительным свистом. Мир на миг померк, пронзенный острой, унижительной болью. Я отшатнулась, ударившись о край стола, лишь чудом удержавшись на ногах. Но от этого потрясения появилась очевидная догадка – этот увалень неоднократно избивал хозяйку моего нового тела.

Это был не первый его порыв, а привычное действие. И, полагаясь на уже имеющийся опыт, он и ко мне применил тот же «аргумент».

Пока я, преодолевая тошноту и жгучую боль, пыталась выпрямиться, пасынок собирался с новыми силами. Было заметно, как его грудь вздымается от торжества и предчувствия.

Но я опередила его, схватив со стола тарелку с остывшей кашей, успевшей превратиться в холодную липкую массу, и с силой и отчаянием метнула всё содержимое в эту мерзкую рожу. Холодная, серая, слизистая масса с комками облепила его прилизанные волосы, прилипла к глазам и потекла за воротник дорогого камзола.

Мужик издал звук, что-то среднее между удивленным хрюканьем и возмущенным воплем, затем замер на месте, ослепленный и ошеломлённый.

Тыкая пальцами в липкую массу на лице, недовольный пасынок пытался убрать её, выкрикивая угрозы, которые тонули в хлюпающем месиве.

У меня не было времени и желания ждать, когда он приведет свои недобрые намерения в исполнение. Боль в груди ныла. Я, не отрывая от него холодного взгляда, поднесла к губам свисток, что оставил полковник, и пронзительно свистнула.

Топот тяжелых сапог послышался почти мгновенно. В незакрытых дверях показались два гвардейца из выставленной охраны и с профессиональным любопытством уставились на открывшуюся перед их глазами картину.

- Господин Олаф де Ланжерон, - мой голос чеканил каждое слово с металлической твердостью, - внезапно почувствовав недомогание, досадно испачкался. Будьте так добры, проводите его до экипажа. И проследите за тем, что бы он никогда больше не приближался к моему дому.

Служивые, не говоря ни слова, подхватили пасынка под руки и твердо, без церемоний, повели к выходу.

- Завтра же жди моего адвоката, гадина! – прокричал разгневанный мужчина, но его голос вскоре затих в коридоре.

Я осталась стоять посреди кабинета, одной рукой всё ещё держась за край стола, другую прижимая к полученному ушибу. Здесь царила тишина. *Моя тишина!* Я понимала, что это была только первая битва, но я её выиграла.

Дом очищался, и начиналось это очищение с самых гни-

лых его обитателей...

Ночевать я сегодня решила всё в том же кабинете, на практике убедившись, что мой свисток слышен гвардейцам, что несут службу у входных дверей.

Притащив из спальни подушку и потертый плед, я разместилась на диване, что стоял в нише по левую руку от рабочего стола.

От пережитого за день сон не шёл. Я опять погрузилась в свои тревожные воспоминания, повествующие о моем втором замужестве.

Тогда мне казалось, что это была самая безумная, ослепительная вспышка счастья. Свадьба с Виктором – скромная, почти тайная регистрация, ведь ещё не прошло и года после смерти Вилена Кузьмича.

Я летала на крыльях, опьяненная вниманием и страстью молодого красавца. Почти полгода я была на седьмом небе от счастья, без остатка веря, что, наконец, мне выпал счастливый билет.

Он был таким внимательным, таким интересующимся всем: моими мыслями, моим прошлым, деталями жизни в доме покойного мужа и, конечно, коллекцией. Я думала, что раз он любит меня, то ценит и то, что мне дорого.

А потом начались «командировки». Не частые, но регулярные. По делам несуществующей, как я позже узнала, галереи. Каждый раз, уезжая, он нежно целовал меня на про-

щение и обещал скоро вернуться.

Но однажды вечером раздался звонок. Голос соседа по загородному дому, где хранилась основная часть коллекции, был встревоженным и смущенным.

- Екатерина Владимировна, простите за беспокойство, - приветствовал он меня настороженно. – Но к вашему дому подъехала машина. Я сперва подумал, что это вы с мужем, но нет. И ведут себя как-то странно. Не воры – слишком открыто! И свет горит во всех окнах. Можете определить, кто это?

Сердце сжалось от страха, но я пыталась заглушить тревогу разумными доводами. Может, Виктор вернулся пораньше и поехал проверить состояние коллекции. Но решила разобраться на месте и отправилась за город.

Дорога казалась бесконечной. Когда я свернула на знакомую подъездную аллею, в доме действительно горел свет. Я припарковалась в тени и подошла к террасе.

Через французское окно гостиной я увидела их.

Виктор был здесь, не в командировке. Он стоял, облокотившись о мраморный камин, с бокалом вина в руке. А в его объятиях, смеясь тем звонким, самоуверенным смехом, была Тамара – моя «верная» подруга, которая активно «спасала» меня от одиночества.

Мой мир рухнул, просто ментально превратившись в черно-белое кино. Я прижалась к холодному стеклу, и до меня донеслись обрывки фраз их разговора.

- Нужно ещё дней пять, не больше, - говорил Виктор, неж-

но проводя рукой по её спине. – Остались самые хлопотные вещи, те, что в сейфе. Она все никак не вспомнит комбинацию, тупая корова!

- Потерпи, - проворковала подруга, тесно прижимаясь к нему. – Полгода терпели. Половину уже вывезли и распродали. Осталось чуть-чуть. Пока она ещё верит в ваши теплые отношения и счастливый брак.

- Счастливый брак?! – фыркнул он, и его красивое лицо исказила гримаса брезгливости. – С этой занудной вдовушкой, вечно ноющей о своем старике? Скоро мы с тобой будем пить шампанское на Канарах на её деньги!

Что-то внутри меня отключилось. Боль, предательство, ужас – всё это было, но где-то очень далеко, осталась только злость. Я перестала соображать. У меня появилась неумолимая потребность высказать им всё, что о них думаю.

Ворвавшись в комнату, я совершенно не думала о последствиях, считая, что если я права, то мне ничего не угрожает...

Ох, как я ошибалась!

Поначалу они обескураженно замерли, разомкнув объятия. На их лицах отразилось недоумение, затем мгновенная паника и, наконец, холодный расчет.

- Катюша, дорогая, - по привычке запел Виктор, но Тамарка, вызываяще улыбаясь, подскочила ко мне и ударила по голове каким-то холодным предметом.

От неожиданности я осела на пол.

- Ты что творишь? - завизжал муженёк.

- А ты не догадываешься? – ядовито улыбнулась она. – Заметаю следы и делаю тебя ещё богаче, как будущего вдовца. Неси её на второй этаж.

Он подхватил мое обмякшее тело и поплелся вверх по ступенькам, подруга бежала за ним. У меня от удара кружилась голова, я не могла ни говорить, ни действовать, только безмолвно наблюдала за этими когда-то близкими мне людьми.

Отворив первое же попавшееся окно, они скинули меня в темноту ночи, даже не удосужившись посмотреть, что там внизу. Я пролетела немного, буквально метра полтора, попав на крышу хозяйственной постройки. Больно стукнувшись спиной, я вскрикнула и ненадолго потеряла сознание. Когда пришла в себя, услышала звук отъезжающего автомобиля.

Парочка явно торопилась покинуть место преступления...

Глава 8

Пытаясь отбросить тягостные воспоминания, я ворочалась на кожаном диване чужого кабинета, пахнущего старым деревом и табаком.

Полумрак, прорезанный бледным квадратом окна, накрыл комнату. Беспокойство грызло изнутри, пульсировало в висках в такт напольным часам, что стояли поодаль. Это была моя первая ночь в этом доме.

Именно поэтому я не сразу поверила своим глазам. Мне показалось, что тень за окном, отбрасываемая ветвями старого дерева, шевельнулась слишком резко, независимо от ветра.

Я приподнялась на локте, затаив дыхание. Нет, это не тень, а четкий мужской силуэт с резкими линиями плеч. Он двигался бесшумно, с отточенной хищной грацией, пытаясь зацепиться за каменный выступ и отжать раму снизу.

Очевидно, вор! Слухи о моём одиночестве видимо уже пошли по округе.

Ледяная волна страха ударила в живот. Рука инстинктивно потянулась к свистку, который я повесила на шею. Пусто?! Пальцы нащупали только завязки пеньюара. Я судорожно провела рукой по складкам пледа, по ковру рядом с диваном – ничего. Видимо, где-то в темноте, во время моей бессонной возни шнурок просто развязался.

Паника, острая и липкая, начала накрывать меня с головой. Кричать? А если гвардейцы не среагируют? Бежать? Но вор уже был в комнате, его тёмная фигура бесшумно прыгнула с подоконника на ковер. И если я сейчас сорвусь со своего места, то выдам себя, а возможно, и спровоцирую погоню. Он может легко успеть свернуть мне шею, тем самым провалив мою миссию в этой реальности.

Инстинкт самосохранения, холодный и расчетливый, заставил меня замереть. Я медленно, миллиметр за миллиметром, опустилась обратно на диван, слившись с его тёмной обивкой. Осталось только одно: затаиться и наблюдать.

Вор двигался уверенно, будто знал план комнаты. Его шаги были неслышными, а движения точными. Он подошел к массивному дубовому столу, и я увидела, что его руки в тёмных перчатках начали методичный, профессиональный обыск. Не хаотичное раскидывание вещей, а систематическое изучение: ящики, их содержимое, проверка потайных отделений, ощупывание резных панелей.

Я теперь точно знала – он искал что-то конкретное.

Но тут мужчина повернул голову, и слабый косой луч от уличного фонаря упал на его профиль.

Я чуть не икнула от изумления, но, к счастью, смогла удержаться.

Это не было лицо вора. Высокий лоб, прямой благородный нос, резко очерченная линия скул и подбородка – этот тип был наделен особой аристократической красотой.

В этом бледном свете он выглядел как призрак какого-нибудь опального графа, а не как ночной грабитель. Опять же, его действия – быстрые, целенаправленные движения – были действиями профессионала.

Он закончил с ящиками, проверил полки за столом, прошёлся пальцами по корешкам книг. С каждой минутой его молчаливое, концентрированное напряжение росло – он никак не мог отыскать то, что ему было нужно.

Наконец, отступив от стола, он ударил кулаком в свою же раскрытую ладонь, и в ночной тишине я услышала негромкий, сдавленный стон ярости. Его жест был исполнен в состоянии едва сдерживаемой злобы, и во мне зыграло острейшее любопытство: а что он собственно здесь пытается найти?

Не найдя того, что ему было нужно он повернулся к окну, и с той же кошачьей грацией легко подтянулся на подоконнике и исчез в ночи так же бесшумно, как и появился.

Я пролежала неподвижно ещё добрых десять минут, потом осторожно поднялась и подошла к окну. На подоконнике практически не осталось и следа, кроме легкого отпечатка от подошвы сапог на тонком слое пыли.

Вопросы роились в голове как назойливые мухи. Кто он? Что искал среди бумаг покойного маркиза? И как это может помешать мне при выполнении заданной миссии?

Позволив себе на завтрак омлет и чашечку кофе, я снова

вернулась в кабинет. Меня раздирало любопытство: что так настырно искал в документах мой ночной гость? Может, при свете дня я увижу что-то интересное?

Но осмотр кабинета пришлось отложить. Агентство по найму персонала, куда от моего лица обратился полковник, присылало кандидатов одного за другим. Они приходили, отвечая на мои вопросы, воодушевленно кивали, но что-то было не так...

Молодые девушки смотрели либо слишком робко, либо слишком нагло; глаза некоторых особ с любопытством осматривали богатые интерьеры, что меня сильно настораживало и раздражало. Мужчины, предлагающие себя на роль управляющего, были либо слишком грубы, со взглядами, оценивающими меня как объект их будущего внимания, либо мягкотелы, не способные в будущем удерживать дисциплину среди слуг.

Никто из них не вызывал у меня элементарного доверия, а интуиция тихо нашёптывала: «Не то, что надо».

Когда поток кандидатов иссяк, я уже подумывала обратиться в другое агентство, как вдруг на пороге появилась ещё одна женщина.

В строгом, почти монашеском черном платье без украшений, с высоко собранными в тугую пучок волосами, она держалась уверенно, с каким-то врожденным достоинством.

- Прошу прощения за беспокойство, мадам, - сказала она, и голос её был низким, приятным и без излишней подобо-

страстности. – Я узнала, что вам требуются слуги. Я осталась вдовой. Мне очень нужна работа. Любая работа: служанки, горничной, помощницы на кухне...

Лицо её было не молодым, но и не старым – в нем отражалась печаль прожитых лет, не столько возраст, сколько опыт. Глаза, спокойные и внимательные, смотрели прямо, не блуждая по комнате.

Я задала несколько простых вопросов: об опыте, о семье. Она отвечала коротко, но по существу, без лишних подробностей, которые обычно пытаются вплести в рассказ, чтобы вызвать симпатию.

В её ответах проскользнули обороты, указывающие на образование: она упомянула о ведении небольшого хозяйства до смерти мужа, опыт в составлении домашней отчетности и отличное знание города: торговые лавки, аптеки, банки и т.д. Ничего показного, просто факты.

И тут интуиция, которая весь день молчала, тихо, но уверенно сказала: «Она!»

Я ещё раз посмотрела на её черное платье, на прямой стан, на руки, аккуратные, но не боящиеся работы. Затем печальным взглядом оглядела гостиную, где проходила наша встреча – на великолепные, но покрытые слоем грязи и пыли картины, на паркет, потерявший блеск из-за небрежного ухода, на паутину под потолком, и приняла решение.

- Вдовство, - медленно проговорила я, глядя собеседнице прямо в глаза, - это состояние, которое учит понимать цен-

ность порядка и уважения к прошлому. Вам нужна не просто работа... Мне нужна не просто служанка...

Она слегка подняла голову, ожидая моего вердикта.

- Я доверяю вам должность домоправительницы, - уверенно сказала я. – С полным управлением хозяйством внутри дома и подбором персонала. Я не хочу видеть новых лиц, пока они не будут проверены вами. Но первое, что нужно сделать - и сделать сегодня – это отмыть этот дом.

Я обвела рукой пространство вокруг себя, показывая масштабы уборки.

- Особняк запылится и запачкался не только физически. Он требует всестороннего очищения. И я хочу, чтобы уже к вечеру здесь было элементарно чисто. Наймите временных работников столько, сколько потребуется. Не экономьте. И руководите процессом сами.

Женщина слушала внимательно. В её глазах не было ни эйфории от внезапного «повышения», ни страха ответственности.

- Я найму людей, госпожа, бригаду проверенных работников и несколько крепких помощников для тяжелой работы. Прослежу за каждым углом. К вечеру дом будет чист.

- Спасибо, - сказала я. – Как ваше имя?

- Марта.

Глава 9

Не успела я вернуться в кабинет, как следом за мной туда вошел мужчина, и память «прозрачной леди» подсказала, что это адвокат её покойного мужа Генри Локвуд, который теперь переметнулся на сторону алчного пасынка.

Он прошествовал с такой уверенностью хозяина, что я почувствовала, как просто закипаю от гнева, глядя на его самодовольную физиономию. Его лицо, обычно скрывавшее цинизм под маской профессиональной сдержанности, сейчас расплывалось в откровенно наглой ухмылке.

- Катрин, моя дорогая! Какая встреча! – воскликнул он, не утруждая себя формальностями и даже намёком на поклон. – Я как раз к вам с новостями...

Припоминая, что вчера пасынок грозился адвокатом, я поняла, что ничего хорошего ждать от этой встречи мне не придётся.

- Суд назначил слушания, - продолжал он с деланным сожалением, подходя ближе, - уже на следующей неделе. Всё ускорилося, знаете ли. Судья - человек принципиальный.

Он сделал паузу, видимо, наслаждаясь эффектом, который хотел на меня произвести.

- Но будучи вашим давним знакомым, - смерил он меня высокомерным взглядом, - я пришёл предложить выход. Благородный и цивилизованный. Чтобы не таскать ваше про-

шлое и настоящее через судебные разбирательства. Это так пачкает репутацию, особенно женскую.

Он вынул из портфеля свернутый трубочкой документ и с легким шуршанием развернул его на столе.

- Это добровольное соглашение о передаче прав владения особняком маркизу Олафу де Ланжерону. Взамен он оставляет вам всё остальное движимое имущество: коллекцию картин, мебель, ваши личные вещи. Вы можете забрать их и устроить свою жизнь где угодно. Тихий, достойный отъезд. Без скандалов. Что скажете?

Его тон был сладок, как испорченный мед. В глазах читалось торжество и глумливая уверенность, что я сломаюсь. Но в отличие от моей предшественницы, во мне не было страха публичного позора, только холодное понимание того, что мои противники во всеоружии.

- Это очень любезное предложение, господин Локвуд, - сказала я тихо, почти задумчиво. - Но чтобы оценить его щедрость, мне нужно понимать, с чем именно я должна сравнивать. На какой, скажите, аргументации будет строиться обвинительная линия в суде? Что именно мой пасынок и его новые представители намерены предъявить суду, чтобы отобрать дом, который, по сути, является моим приданым?

Локвуд на мгновение замер, словно удивленный прямоотой вопроса. Потом его губы снова растянулись в той же мерзкой, самодовольной улыбке. Он понимающе кивнул, сделал шаг назад, сложив руки на животе.

- Ах, Катрин, Катрин! Все так просто и так предсказуемо. Ваш покойный супруг, будучи мудрым человеком, предусмотрел всё в брачном контракте. В его... дополнениях.

Он произнёс последнее слово с особым, ядовитым удовольствием.

- Пункт о трауре, моя дорогая, четкий, недвусмысленный: год полного строжайшего затворничества. Его нарушение аннулирует ряд имущественных прав, включая право на приданое невесты.

Я медленно подняла на него взгляд, заставляя свое лицо оставаться непроницаемым и спокойным.

- И суду будут представлены неоспоримые доказательства, - продолжил он, его голос стал тише, интимнее, словно он делился грязным секретом. - Свидетели, которые готовы подтвердить, что вы явно пренебрегали скорбеть по усопшему. Все это, увы, рисует женщину с низменными моральными принципами...

О, как заговорил?! В моей голове, однако, родилась холодная, ясная мысль: они так уверены в своём козыре, что, практически, показали его заранее. Что ж, господа «хорошие», я теперь знала, с чем мне предстоит бороться.

- Я поняла, - проговорила я ровным, почти бесстрастным голосом. - Благодарю вас за разъяснения, господин Локвуд. Мне нужно время, чтобы обдумать ваше предложение.

Его ухмылка стала шире. Он принял мое спокойствие за капитуляцию.

- Конечно, конечно. Но недолго, моя дорогая. Завтра я буду ждать вашего окончательного ответа. И не заставляйте нас прибегать к менее элегантным методам...

Судебные слушания?! Может быть, именно этого так боялась «прозрачная» леди?

Обдумывая предложение адвоката, я снова погрузилась в воспоминания.

До сих пор с очевидной ясностью перед моим взором всплывала картина, как я лежу в белой, пропахшей карболкой палате, и все тело ноет от невыносимой боли. Но это было ничто по сравнению с тем, что творилось внутри.

С постоянной регулярностью память подкидывала одни и те же сцены, которые вызывали нечеловеческие мучения. Холодный ночной воздух, внезапно хлестнувший в лицо. Дикий, нечеловеческий крик – мой собственный. А потом – глухой удар, отдающийся болью сразу во все тело.

Я упала не на землю, а на покатую, просевшую от времени крышу старой хозяйственной постройки, что притулилась прямо под окном, из которого меня выбросил неверный муж. Пролетела, наверное, от силы полтора метра. Этого хватило, чтобы не разбиться насмерть, но сломать три ребра и левую руку. И потерять то единственное, что действительно было ценным.

Врач, усталый и безразличный, хмуро сказал:

- С вами всё будет в порядке. Кости срастутся. А вот ре-

банка вы потеряли. И, учитывая характер травм, вам больше не суждено стать матерью.

Он сказал это так буднично, как о погоде. И тогда я перестала сдерживаться. До этого был шок, приводивший в состояние полного оцепенения, а теперь хлынули слёзы, не рыдания, а тихий, бесконечный отчаянный поток. Я плакала о малыше, которого даже не успела почувствовать, о своем травмированном теле, о предательстве, которое было больнее всех переломов.

Именно в этот момент на пороге палаты появилась Ольга Петровна, бывшая коллега моего первого мужа, которая до меня занималась каталогизацией его коллекций.

- Катюша, хватит плакать, слезами горю не поможешь, - её голос, твердый и низкий, был без тени фальшивой жалости. - Эти люди не только выкрали и распродали бесценную коллекцию Вилена Кузьмича, они сознательно покушались на твою жизнь, и ты не погибла лишь по воле случая.

Она выдержала паузу, глядя на мое, искаженное болью лицо.

- Уже заведены уголовные дела, - продолжила посетительница, - по факту кражи и покушения на убийство. Но самое грязное и неприятное, что тебя ожидает, - это развод. И развод не с джентльменом, а практически с уголовником. Нужен не просто адвокат, Катерина, - нужен боец. Хладнокровный, умный и абсолютно беспринципный в хорошем смысле этого слова, который будет бить твоих врагов их же оружием.

Эта умная, резкая и бесстрашная женщина протягивала мне руку помощи.

- Пора призвать профессионала. Я уже договорилась о встрече, он будет у тебя завтра.

На следующий день в мою палату вошёл мужчина лет тридцати пяти, невысокий, подтянутый, в безупречном, но не вычурном костюме. Он не улыбался, просто пожал мне здоровую руку и представился:

- Яков Самсонович Левин, - голос был спокойный, но с металлическими нотками. – Вам рассказали, зачем я здесь?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Что-то в его энергичных движениях и остром взгляде напоминало хищную птицу.

- Хорошо, - кивнул он, доставая блокнот и ручку. – Тогда начнем. Расскажите мне всё с самого начала...

И он слушал. Слушал часами, не перебивая, а лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Я тогда поняла, что он мастер своего дела, хладнокровный «инструмент» моего будущего возмездия.

Глава 10

- Закон есть закон, Катюха! – так Яков Самсонович в статусе моего третьего мужа учил меня уму разуму. – Всегда уважай букву закона!

Мы сами не заметили, как привязались друг к другу. Три года нескончаемых слушаний, переносов, нервных ожиданий вердиктов судей.

Я вначале была просто его клиенткой, Левин – моей бронёй и защитой в бесконечной изматывающей «войне»: бракоразводный процесс, который, на мой взгляд, тянулся непозволительно долго, уголовные дела, нависшие тяжелым бременем.

Я была для него в ту пору очередным, пусть и сложным, кейсом. Он для меня - единственной соломинкой, за которую можно было ухватиться, чтобы не утонуть.

Я стала различать оттенки его усталости за профессиональной маской, едва заметную искру азарта, когда он находил брешь в аргументах оппонента, привычный жест – поправить очки, когда нужно было выиграть время. Мы стали практически неразлучны: его постоянные звонки с обновлением информации, мои тревожные сообщения глубокой ночью, на которые он, к моему удивлению, всегда отвечал.

И вот однажды я поймала себя на мысли, что у меня, кроме него, никого нет: ни родственников, ни друзей, ни просто

добрых знакомых. Помню, как Яков заявился ко мне на квартиру без звонка поздно вечером и начал недовольно ворчать:

- Мне надоело мотаться на другой конец города, чтобы в очередной раз вытереть тебе сопли! Поэтому собирай свои вещи и перебирайся ко мне. Да, и если тебе от этого станет спокойнее, то мы можем официально оформить наши отношения.

Это было самое неромантическое предложение руки и сердца, которое ко меня поступало!

И я, к своему удивлению, согласилась. Не завалила вопросами, а просто кивнула.

Страстей, о которых пишут в романах, между нами не бушевало. Не было безумного влечения, бурных сцен ревности или головокружительных взлётов чувств. Но ни ему, ни мне этого было не нужно. Мы оба уже прошли через эмоциональное цунами и теперь жаждали тихой, спокойной жизни. Мы освоились друг с другом с поразительной, почти необъяснимой легкостью, как будто три года судов и процессов были нашим долгим и странным свиданием.

Левин учил меня жить по-новому. Не просто существовать, а выстраивать жизнь.

- Не обязательно любить законодательство, - говорил муж за завтраком, листая утреннюю прессу. – Но если ты знаешь и уважаешь законы, ты всегда найдешь тот, на который можно опереться в нужный момент. Решение есть всегда. Главное – знать, где искать.

Эти мудрые слова Якова Самсоновича прямо указывали на то, что я должна была сейчас сделать, чтобы постараться выстроить правильную защиту на предстоящем суде о наследовании дома.

Мне придется познакомиться с местным Гражданским кодексом!

Ближе к вечеру в кабинет заглянула Марта.

- Госпожа, я должна вам кое-что показать, - сказала она заговорщицким шёпотом. - Это лучше один раз увидеть собственными глазами...

Я насторожилась: что могло быть такого важного? Но в её глазах читалась не просто исполнительность, а острая живая заинтересованность.

Следуя за ней на второй этаж, я невольно отмечала перемены, произошедшие с домом. Лестничные перила, ещё вчера тусклые и липкие, теперь были вычищены и отполированы. Воздух пах мылом, уксусом и свежей смолой от раскрытых окон.

Работа ещё кипела, но без лишней суеты. Все знали своё задание и объём. Я была вполне удовлетворена увиденным. Особняк постепенно очищался от пыли и грязи.

Мы остановились у двери комнаты, что находилась рядом со спальней, в которой я очнулась вчера в этой реальности. Она оказалась смежной с моей и являлась, предположительно, опочивальней покойного маркиза.

Комната была убрана безупречно. Лучи заходящего солнца падали на идеально вымытый паркет. Каминная полка натерта до блеска. Вокруг ни пылинки, ни пятнышка. Даже воздух здесь казался другим – свежий, прозрачный, словно очищенный от тяжелого прошлого.

- Здесь, госпожа, - Марта подвела меня к стене прямо напротив огромной, ещё не заправленной свежим бельём кровати. – Обратила внимание на эту картину, как будто не к месту она здесь...

Картина была мрачным морским пейзажем, поэтому, действительно, казалось странным, что прежний хозяин разместил её перед кроватью так, чтобы видеть этот фрагмент первым, когда проснёшься.

- Когда помощники протирали раму, она неожиданно сорвалась с крюка, - продолжила домоправительница. – К счастью, не пострадала, упала на ковер. Но когда её подняли...

Она осторожно наклонила раму, прислоненную к стене. На оборотной стороне, приклеенный сухим пожелтевшим клеем был лист древней бумаги. И не просто лист. На нем были нанесены тонкие, извилистые линии, пометки, обозначения углов...

Это была карта участка местности – четкая, детальная. И у меня зародилось предположение, что именно этот документ разыскивал ночной «гость» среди бумаг покойного маркиза.

- Я отпустила работников, сказала, что сама разберусь, - тихо продолжила Марта, переводя взгляд с карты на моё ли-

цо. – Но это ещё не всё.

Она поставила картину на пол лицевой стороной к стене и стала ощупывать резной орнамент по бокам. В одном месте, в завитке аканта, она надавила, и раздался тихий щелчок. Из толщины дерева выдвинулась, словно маленький ящичек, узкая панелька.

Я затаила дыхание.

Марта засунула внутрь два пальца и извлекла... кольцо.

- Когда все вышли из комнаты, я начала методично рассматривать возможные повреждения рамы от удара, и наткнулась на этот скрытый механизм, заметив небольшой изъян в оправе, - поведала мне домоправительница.

Кольцо было мужским, массивным, из тёмного, почти черного серебра. Но не это привлекало внимание. В его оправе сиял камень необычного, пронзительно бирюзового цвета и с такой чистотой, которой я раньше никогда не видела. Он был словно живой, от него исходило собственное холодное сияние. Этот самоцвет не был похож ни на один драгоценный камень, который я знала.

- Господи! – вырвалось у меня. – Что это?

Марта осторожно положила кольцо мне на ладонь. Оно было холодным и невероятно тяжелым. Камень словно впитывал свет из комнаты, чтобы отдать его обратно в виде странного, призрачного свечения.

- Это не просто украшение, госпожа, - также тихо произнесла домоправительница. – Подумайте, какие вещи прячут?

Да ещё с картой? Да еще в спальне, на самом видном месте?

Я сжимала холодный металл и смотрела на таинственную карту. Страх отступал, сменяясь жгучим, всепоглощающим любопытством и странным предчувствием.

Беспорядок отмыли. Но теперь из глубины этого дома, из его самых потаённых уголков, начало проступать его истинное скрытое лицо.

Глава 11.

Справившись, наконец, со своими эмоциями по поводу необычной находки, мы решили пока оставить, всё как было. Перстень положили на место, картину повесили на крюк напротив кровати покойного маркиза.

Марта на эту ночь отпросилась домой, сославшись на то, что надо собрать вещи и предупредить родных о предстоящем переезде.

Перед её уходом мы встретились в гостиной, где на изящном сервировочном столике для меня был приготовлен превосходный ужин.

После долгого дня, полного шума от изрядного количества посторонних людей, я позволила себе спокойно наслаждаться вкусными блюдами, что были поданы к столу.

- За этот день удалось многое, госпожа, - начала моя новоиспеченная домоправительница. – Наемные работники трудились без усталости. Особняк теперь очищен от пыли и грязи.

Она позволила легкой улыбке коснуться уголков своих строгих губ, когда добавила:

- Завтра вы сможете встретить весеннее утреннее солнце во всем его великолепии, в том числе без мутных разводов на оконных стеклах.

Марта подробно описала прогресс: мебель, двери, окна – всё, что можно было привести в порядок без глубокой

реставрации, теперь выглядит опрятно. Посуда и кухонная утварь начищены до блеска и готовы к службе.

Но когда она перешла к тому, что ещё предстоит сделать, её взгляд стал сосредоточенным и серьёзным.

- Текстиль, гардеробные и библиотека требуют системного разбора, госпожа, - она излагала свои доводы с той смесью уверенности и осторожности, которую я уже начинала в ней ценить. – Портьеры и ковры придется заменить, они слишком потрепаны временем.

Затем она дала расклад по новым работникам, что успела нанять за сегодняшний день. Кухарка, служанка, горничная: для них уже приготовлены комнаты на первом этаже, и уже с завтрашнего утра они будут проживать в этом доме.

- Дайте им одни сутки привыкнуть к мысли о новом месте, - пояснила она, и я согласилась с её доводами.

После ужина мы пошли с небольшой инспекцией по особняку, воочию посмотреть перемены, произошедшие за день.

Надо отметить, что мой «новый дом» был историческим объектом, построенным в готическом стиле.

На первом этаже находились служебные помещения, кухня с уже начищенной утварью, комнаты для прислуги – простые, но опрятные, готовые принять новых работников.

Гостиная, где состоялась наша встреча, столовая, кабинет хозяина дома, который я уже использовала как свой собственный, и библиотека, соседствующая с ним, располагались в другом крыле особняка.

Второй этаж занимали личные апартаменты: хозяйские спальни, детская, гостевые комнаты, готовые к возможному, но пока не планируемому присутствию.

Третий, мансардный этаж...

- До настоящего времени он служил хранилищем для ненужных вещей, госпожа, - пояснила Марта. – Это требует отдельного решения.

Я лишь взглянула на узкую лестницу, ведущую туда, живо представив под этим коротким описанием целые кучи старых, оставленных, ненужных предметов...

Что ж, может быть, в ближайшем будущем нам и подвернётся возможность заняться этим, но не сейчас.

Я кивнула, давая домоправительнице понять, что обязательно подумаю над этим, тем самым завершив импровизированную инвентаризацию особняка.

Ночь была на подходе...

Я осталась совершенно одна в этом старом, странном доме. Нет гвардейцев, что ещё вчера благодаря распоряжению полковника охраняли мои двери, нет слуг, которых хотя и наняли сегодня, но отпустили по домам для сборов...

Что ж, как я понимаю, придется «договариваться» с мистическим особняком, который, возможно, в знак благодарности за мои старания, решил начать делиться своими секретами.

Первое: мне придется обеспечить собственную безопас-

ность. Для этого я с особой тщательностью обследовала все шкафы кабинета, в одном из которых, к своей радости, обнаружила подобие старинных пистолетов.

- Спасибо, дом! – поблагодарила я своё «приданое», понимая, что с этими раритетами смогу выстроить какую-никакую видимость «защиты».

Если вчера ночной гость так нахально и самоуверенно проник в кабинет покойного маркиза, тогда что ему мешает ещё раз нанести свой поздний визит?

Угроза была прямой, и необходимость принять все меры безопасности была очевидной...

Решив провести ночь подле странной картины, я устроила себе местечко для наблюдения в спальне покойного маркиза, полагая, что то - ценное, разыскиваемое воров, и есть карта, скрытая от посторонних глаз особым хитроумным способом.

Переодевшись в темные одежды, я устроилась на полу напротив входа в комнату, за монументальной кроватью, логически полагая, что я смогу увидеть ночного визитера, если он вздумает, как вчера, проникнуть через окно, но и в то же время, если воспользуется дверью.

На шее свисток – скорее как отвлекающий маневр, поскольку просто некому на него реагировать, по правую руку пистолеты...

В тревожном ожидании я вновь проваливалась в свои воспоминания, как к какому-то итоговому анализу своей жизни...

- Только дань уважения к Ольге Петровне Богородской, которая самолично попросила меня об услуге стать твоим адвокатом, Катюха, не позволила мне бросить тебя на произвол судьбы, - Яков Левин, как всегда, был прямолинеен в своих признаниях...

Я часто ловила себя на том, что пытаюсь вспомнить его лицо до того, когда произошел тот самый переломный момент, когда он из успешных адвокатов по гражданским делам перешел в когорту легенд уголовных защитников.

Мне было неведомо, что именно руководило моим мужем в те далёкие времена. Мечта о богатстве и славе? Не думаю...

Он верил в презумпцию невиновности как в святой догмат.

- Каждый человек заслуживает лучшего адвоката, которого способен найти, - пояснял он, поправляя очки. – Даже если он виноват. Особенно если он виноват! Потому что система должна быть безупречной, а не удобной.

И он стал этим лучшим адвокатом. Его аргументы были всегда отточены. Он видел слабые места в обвинении за километр. Сначала к нему шли отчаявшиеся обыватели, мелкие жулики, неудачливые бизнесмены. Затем – те, у кого были серьёзные проблемы. А потом пришли ОНИ...

Успех – штука коварная...

Сначала это были просто «сложные дела». Дела, где обвиняемые носили не фамилии, а прозвища, и говорили мало,

а платили много.

Я видела его посетителей. Они не шумели и не угрожали – эти люди в дорогих костюмах. Они просто располагались в его кабинете и смотрели на Левина с характерным уважением.

Он не был «их» адвокатом, он стал их стратегом. Его мозг, «работающий» в рамках закона, начал просчитывать шаги не по ходу одного дела, а целой системы, со своими логическими и юридическими взаимосвязями.

Яков мог предсказать действия прокуратуры, знал, какого судью лучше просить об отсрочке, какое незначительное нарушение процедуры можно превратить в брешь в стене обвинения. Он вытаскивал людей из-под самых сложных статей. И с каждым таким «вытащенным» его имя обрастало не просто славой, а авторитетом.

Я хорошо помню тот вечер, когда он впервые упомянул своего «очередного» клиента. Вернулся поздно, не прикасался к ужину, налил себе коньяк – чего обычно не делал.

- Сегодня был Вася Денежный, - сказал он в пространство, глядя не на меня, а на тёмное окно.

- Вася Денежный? Звучит как персонаж из плохого романа, - попыталась пошутить я.

- Не смейся, - Левин отхлебнул коньяк и пояснил: - Это не просто уголовник – это частная институция со множеством личных юристов. И он просит моей консультации на постоянной основе...

Тогда я многое поняла. Мой муж был уже не просто успешный адвокат – он стал значимой фигурой в своей сфере. Не просто полезным инструментом, а своего рода основанием. Частью той параллельной правовой системы, где вместо законов – понятия, а вместо судей – воры в законы.

Левин до конца был уверен, что не продал душу за деньги. Он просто делал свою работу блестяще. Даже слишком хорошо. Он защищал. Но кого и от кого? От закона? Но во имя чего?

Он так и не увидел этой грани. Для него мир превратился в шахматную доску, где он был гроссмейстером, защищающим свою сторону. Да, сторону с дурной репутацией, но правила игры – уголовный кодекс, процессуальные нормы – для него оставались священными...

Глава 12.

Тишина дома давила на меня тяжким грузом. Я растворилась в ней, сливаясь с темным пологом кровати. Каждая секунда растягивалась в минуты, даже собственное дыхание казалось непозволительно громким.

Я ждала...

Он пришёл после полуночи. Сначала слышались осторожные шаги за дверью. Затем щелкнул запертый замок – старый механизм покорился ему достаточно легко. Он проскользнул в спальню, словно быстрая тень. Лунный свет, падающий из окна, обрисовал тёмный силуэт высокого мужчины.

Тот самый «ночной гость». Сомневаться не приходилось...

На мгновение он замер, словно что-то почувствовал, и резко повернулся в мою сторону. Несмотря на всю предпринятую конспирацию, он увидел мой силуэт, пытающийся слиться с тенью кровати, как опытный охотник видит хищника на своей территории.

Моё движение было резким и инстинктивным. Рукахватила пистолет из складок платья. Дуло вытянулось в прямую линию к его груди.

- Что вам здесь нужно?! – почти прокричала я, находясь в состоянии крайнего напряжения.

Но вместо того, чтобы оценить опасность, вор нагло рас- смеялся. Звук был мягким, почти бархатным, но в нём чи- тались уверенность и пренебрежение к моей угрозе.

- Не смешите, мадам, - его голос оказался низким, но при- ятным. – Пистолет у вас не заряжен. Я отсюда вижу пустое дуло, что сверкает при такой луне.

Но я упрямо не опускала руку.

- Мне ничего не мешает использовать его как холодное оружие, - бросила я в ответ и запустила им в этого самоуве- ренного нахала.

Я специально не целилась, просто в этом порыве выплес- нула весь свой страх, напряжение и ярость.

Конечно же, он увернулся, грациозно уйдя от удара. Пи- столет с глухим стуком ударился о стену. И в этот момент незванный гость метнулся в мою сторону. Наша потасовка бы- ла короткой, молниеносной и хаотичной – моё сопротивление, его контроль. Он повалил меня на кровать и подмял под себя. Его тело стало преградой между мной и свободой...

Древние пружины прогнулись под нашим весом, недву- смысленно скрипнув. И тогда мы остановились. Не потому что силы иссякли, а потому что наши взгляды встретились. Его лицо оказалось очень близко, и я, сквозь страх и гнев, с холодной отчетливой ясностью увидела, как он был красив. Но в этой красоте таилось что-то хищное и опасное...

Одно произвольное движение - и его рука, державшая мое плечо, ослабила хватку. Его взгляд опустился к моим

губам. И он наклонился с явным намерением меня поцеловать...

Вдруг раздался треск и ножка кровати, вероятно не выдержавшая нашей недавней борьбы, попросту сломалась, резко опустив ложе с одного угла. Мой неожиданный «партнер» потеряв опору, рухнул в сторону, чем я не преминула воспользоваться и выбралась из его цепкой хватки.

- Спасибо, дом! – пропела я словно мантру, каким-то седьмым чувством понимая, что особняк опять на моей стороне.

- Потрудитесь объяснить, что вы так упорно разыскиваете? – задала я своему ночному гостю вполне логичный вопрос, когда отбежала от него на безопасное расстояние. – Возможно, мы сможем договориться, как цивилизованные люди, если вы просветите меня о ваших намерениях...

- Переговоры? – глумливо поинтересовался он, поднимаясь с рухнувшей кровати. – Я не веду переговоров с женщинами, мадам...

- Чем же мы смогли заслужить такую немилость? – удивилась я. – И, в конце концов, может быть, вы представитесь, наконец.

- Зачем вам знать моё имя? – теперь вопросительные нотки появились и в его голосе. – Наше странное знакомство никак не входило в мои планы.

- Я уже вторую ночь имею несчастье лицезреть вашу персону в своем доме и для своего спокойствия хочу точно знать, когда закончится этот беспредел.

- Вторую? – изумился мой собеседник. – Значит, вы сегодня намеренно ждали меня, и, смотрю, даже подготовились.

Он с усмешкой показал на брошенный в него пистолет.

Меня откровенно начинала злить его несговорчивость и та наглость, с которой он держался. Как будто это не он вломился в мой дом, а наоборот.

- Итак, начнем сначала! – топнула я ногой от негодования.
– Кто вы и что вам здесь нужно?

- Рик! Мое имя Рик Нортон, - наконец, снизошёл до моих требований этот самоуверенный тип. – Я частный детектив и у меня есть задание, которое привело меня в ваш дом.

- Какое? – нетерпеливо переспросила я.

- Этого я вам открыть не могу, - спокойно отреагировал незваный посетитель. – Это профессиональная тайна.

- А вы здесь не для того ли, сударь, чтобы в конец испортить мою репутацию? – задала я ещё один злободневный вопрос.

- Репутацию? – откровенно удивился мой собеседник. - Мне нет никакого дела до вашей репутации.

- Вламываться по ночам в дом к одиноким женщинам для вас это привычное времяпрепровождение? – не к месту завелась я, вспоминая о его явных намерениях меня поцеловать.

- Допускаю, что я сделал nepозволительную ошибку, мадам, - примирительно начал детектив, - но никакого злого умысла относительно вашей персоны у меня не было, поверьте. И, по моим данным, что вчера, что сегодня вы долж-

ны были спокойно почитать в своей спальне по соседству. Разве не так?

- По вашим данным? – обалдела я от такого расклада. – Значит, из ваших слов следует, что в моем доме находится лазутчик?

Он опять нагло промолчал, всем видом показывая, что это тоже его профессиональная тайна.

- Хорошо, - пытаюсь успокоиться, я вполне миролюбиво решила подвести некий итог нашей встречи. – Раз у нас не складывается доверительная беседа, я прошу вас на добровольной основе покинуть мой дом.

- А то что? – с самодовольной ухмылкой проговорил детектив.

- Я просто за себя не ручаюсь! – вновь закипая от гнева, выпалила я, сжимая кулаки.

- Так и быть, - согласился он, наконец. – Я покину ваше общество, мадам. И подумаю о возможных переговорах...

Уже, будучи у двери, он обернулся в мою сторону.

- Странно, - проговорил он задумчиво, глядя на меня. – Мне вас характеризовали совершенно другим человеком...

Глава 13

На следующее утро после перенесенных ночных переживаний я с радостью услышала внизу приглушенные голоса, поняв, что вернулись слуги. Почувствовав глубокое облегчение, позволила себе подольше поваляться в постели.

С этого дня наша жизнь в доме постепенно налаживалась.

Марта оказалась опытным организатором, и под её бдительным руководством все работали, как единый механизм.

Кухарка, несомненно, была волшебницей. Её блюда были не просто едой, а настоящими произведениями кулинарного искусства. С первого обеда, когда аромат супа заполнил столовую, я поняла, что мне несказанно повезло...

Горничная, молодая девушка с внимательным взглядом, словно угадывала мои мысли, понимая меня с полуслова. Она сразу взялась за гардероб молодой вдовы и аккуратно, почти с благоговением, разобрала платья, вычистила их, исправив мелкие повреждения.

Я же погрузилась в изучение документов и книг по местному законодательству. Параграфы о наследовании, правах и процедурах стали моим ежедневным занятием. Я штудировала их с особым усердием, как солдат, готовясь к обороне.

Отказав господину Локвуду в подписании мирового соглашения, я прекрасно понимала, что впереди меня ждёт серьёзное испытание и только моя подкованность в юриди-

ческих тонкостях ведения дела позволит отстоять особняк «прозрачной» леди.

Предстоящее судебное слушание не вызывало теперь паники, лишь холодную, сосредоточенную решимость. Я собирала аргументы, выстраивала позицию, отчетливо понимая, что от приобретенных компетенций зависит успех моей спасательной миссии.

Когда подошёл день «икс», я чувствовала себя вполне уверенно.

Одевшись подобающе случаю в серое добротное платье с высоким воротником, подчеркивающее элегантность и строгость образа хозяйки моего нового тела, прихватив с собой увесистый ридикюль, я неспешно направилась к зданию суда, используя память «прозрачной» леди, что временами неожиданно появлялась в моем сознании.

Пройдя через шумные, пыльные улочки, я оказалась у низкого кирпичного здания.

Небольшая зала была именно такой, какой я и ожидала от этого захолустного «оплота правосудия»: душной, пропахшей потом, сухим пергаментом и невымытыми телами. Солнечный луч, пробивавшийся через единственное зарешеченное окно, выхватывал из полумрака целое облако кружащейся пыли.

Помещение было набито битком – любопытствующие местные жители, почти все мужчины, в своих поношенных

кафтанах, толпились у стен и на скамьях. Их взгляды, тяжелые и оценивающие, облепили меня с порога, словно я была невиданным экспонатом на деревенской ярмарке. На мгновение я почувствовала, как перехватило дыхание, но, сделав глубокий вздох, распрямила спину и двинулась вперед, раздвигая эту живую стену молчаливым достоинством.

На возвышении за грубо сколоченным столом восседал судья. Это был старик в истрепанном, пожелтевшем от времени парике, съехавшем набок. Его лицо, изрезанное морщинами, выглядело чересчур угрюмым. Он что-то неразборчиво бормотал себе под нос, перебирая бумаги, и казалось, что сам процесс и его участники вызывали у него глубокую досаду.

Мой взгляд скользнул ниже, к двум длинным столам, поставленным напротив судейского возвышения. И там, за одним из них я увидела своего пасынка.

Он восседал с преувеличенной важностью, развалившись на стуле, в своем, несомненно, дорогом, но безвкусном ярком камзоле. Одежда на нём сидела мешком, манжеты засалены, а у шеи виднелось пятно от вчерашнего вина, которое он и не подумал скрыть.

Но выражение его лица было торжествующим. Он бросал на меня быстрые, насмешливые взгляды, что-то говоря своему щуплому, юркому напарнику, и оба тихо посмеивались. Олаф был здесь, чтобы забрать своё, как он считал, по праву. Забрать легко и непринужденно у одинокой, бесправной

женщины, которую некому защитить.

В этот момент я почувствовала, что моя злость прида-
ла мне решительность и холодную собранность. Его само-
довольство стало для меня лучшим стимулом. Я медленно
подошла к своему столу и, достав из ридикюля папку с ак-
куратно переписанными выдержками из местного законода-
тельства, села на предложенный стул.

Пыльный луч лег на мои бумаги, и я гордо подняла голо-
ву, бесстрашно встречая недоброжелательный взгляд судьи.
Пусть этот старик в дурном парике хмурится, пусть толпа
глумливо шепчется за моей спиной, пусть пасынок праздно-
ует победу, которой ещё нет...

Я пришла сюда доказать своё право на особняк – приданое
«прозрачной леди»!

- Итак, маркиза Катрин де Ланжерон, - устав перебирать
свои пожелтевшие листки, судья поднял на меня свои мут-
ные, уставшие глаза. – Поступил иск от господина Олафа
де Ланжерона на право наследования имущества своего по-
койного отца, который ссылается на дополнительное согла-
шение к брачному контракту между вами, мадам, и вашим
усопшим мужем. Обращаем ваше внимание и требуем объ-
яснений, почему вы так пренебрежительно отнеслись к до-
кументу, подписанному собственноручно?

- К чему именно, ваша честь, по-вашему, я отнеслась пре-
небрежительно? – уточнила я у судьи.

- Пункт седьмой: полный год после кончины супруга вы

были обязаны соблюдать строжайший траур. И, что существенно, - он сделал паузу, желая подчеркнуть весомость сказанного, - не допускать даже намёка на возможное прелюбодеяние. Ваши действия, как нам стало известно, этому явно противоречат. Что вы на это скажете?

Толпа загудела. Я почувствовала, как взгляд пасынка впился в мое лицо, предвкушая женское смущение, ожидая, что я сейчас начну оправдываться или даже покраснею...

Я медленно поднялась со стула, не для того чтобы пуститься в объяснения, а для того, чтобы говорить на равных. Голос мой звучал четко и спокойно, словно резал тишину в этом душном зале.

- Ваша честь, я не пренебрегала этим документом. Траур я соблюдаю: достойным поведением и отказом от светской жизни. Что же до остального... - я сделала небольшую паузу. - Вы употребили слово «намёк». Прошу суд разъяснить, как именно в юридическом контексте следует трактовать это понятие. Что есть «намёк» на прелюбодеяние? Слух? Чужое предположение? Или же для его констатации требуются факты? С моей стороны нарушения не было: ни намека, ни действия. И я вправе знать, в чём конкретно меня обвиняют?

Судья, явно не ожидавший такого прямого и встречного вопроса, в недоумении замер. Он растерянно моргнул, его пальцы забегали по бумагам, словно ища подсказки. Возможно, привыкший к слезам и смущению, а не к требованию юридических дефиниций, его профессиональный авторитет

дал трещину.

- Э... Ну, это... Под «намёком», разумеется, подразумевается поведение дающее повод... - он запнулся, не в силах сформулировать свои мысли.

В эту секунду, как хищник, учуявший слабинку, поднялся адвокат моего пасынка - невысокий, вертлявый человек с острым лицом.

- Если суд позволит, - его голос зазвучал самоуверенно и нахально, - мы можем избавить Его честь от необходимости изысканий. У нас не просто «намёки», у нас есть доказательство!

Он обвёл зал торжествующим взглядом, давая своим словам достичь каждого уголка. Я увидела, как Олаф наклонился вперед с горящими, от предчувствия моего «разоблачения», глазами.

- Мы готовы предоставить суду свидетелей, - продолжал адвокат, выделяя каждое слово. - Людей почтенных, которые готовы под присягой показать, что молодая вдова не теряла времени даром, пребывая в скорби и уединении, и в стенах особняка принимала мужчин. Любовников! Мы назовём имена, даты, обстоятельства. Так что вопрос, Ваша честь, стоит не о «намёках», а о конкретных, вопиющих фактах нарушения брачного договора.

Удар был нанесён. Толпа ахнула, затем взорвалась гулким перешептыванием. Судья, воспользовавшись моментом, чтобы собраться, снова нахмурился, но теперь уже с ви-

дом человека, получившего весомый козырь.

Я же, стоя перед этим шквалом лжи и злорадства, лишь сильнее сжала пальцы на краю стола. Самое «интересное» только начиналось...

Глава 14

Громкий стук молотка призвал присутствующих к тишине. Все взгляды устремились в мою сторону, ожидая последующей реакции. Даже судья придвинулся к краю стола, его дряблое лицо вызывало обывательское любопытство.

И вот появился первый «свидетель» - молодой человек, представленный суду как учитель италийского языка, Анри Леклер. На вид – приятный, но какой-то безликий: черты лица мягкие, расплывчатые. Держался нервозно, старательно избегая моего взгляда. Он поклялся перед собравшимися говорить истинную правду и своим тонким, немного дрожащим голосом начал рассказ, который, должно быть, репетировал не один раз.

Этот субъект сообщил, что давал мне уроки и я, пользуясь уединением и положением вдовы, соблазнила его, а затем продолжила наши встречи на регулярной основе. Его повествование было гладким, но без деталей, словно пересказ плохой мелодрамы. Каждое слово падало в звенящую тишину, подпитывая торжествующую усмешку на лице Олафа.

«Вот оно! – читала я в его взгляде. – Начало конца!»

Когда Леклер закончил, наступила пауза. Адвокат пасынка с напыщенным видом кивнул судье, дескать, вопросов больше нет. Это был подлый удар моих оппонентов, и они, видимо, посчитали его сокрушительным.

Именно тогда я поднялась. Не спеша. Не оправдываясь. Просто встала из-за стола, и мое движение было таким спокойным и властным, что шёпот в зале на мгновение затих.

- Ваша честь, - мой голос прозвучал негромко, но отчеканил каждый слог. - У меня есть несколько вопросов к свидетелю.

Не дожидаясь формального разрешения, я повернулась к Леклеру. Но заговорила с ним на итальянском, что вовремя подсказала мне память «прозрачной леди». Слова полились мелодичным потоком – текучим, полным округлых гласных и ясных, уверенных интонаций.

- *Signor Lekler, mi dica, in quale stanza si svolgevano queste nostre lezioni private? Di che colore erano le tende in quelle stanza? Quelle guardo se mai ve n'era uno, era appeso alla parete di fronte a noi?*

Эффект был мгновенный. Леклер замер. Его, в сущности, приятное лицо исказилось полной растерянностью. Он покраснел, потом побледнел. Его глаза забегали, губы беспомощно задвигались, но не издали ни звука. Мой «любовник» не просто не знал, что ответить, - он не понял ни слова.

Я выдержала паузу, дав всем в зале вдоволь насмотреться на его немую пантомиму. Затем медленно обвела взглядом собравшихся любопытствующих граждан.

- Здесь, в этой комнате, - заговорила я вновь на местном наречии, - наверняка найдется хоть один человек, знакомый с итальянским языком, уроки которого я действительно бра-

ла, но в далёком детстве. Кто может озвучить суду, о чем я только что спросила этого господина?

С минуту никто не шелохнулся. Затем с третьей скамьи поднялся пожилой мужчина представительного вида, в добротном, хоть и неброском костюме.

- С позволения суда, - сказал он спокойно. – Мадам спросила этого молодого человека, в какой комнате проходили их занятия, какого цвета были там шторы и какая картина висела на стене.

В зале пронесся новый, на этот раз изумленный, гул. Судья уставился на Леклера, который, казалось, был готов провалиться сквозь доски грязного, затоптанного пола.

Я снова обратилась к судье, и в моем голосе звучала уже не просьба, а констатация факта.

- Человек, представленный суду как мой учитель итальянского языка, не понял трёх простейших вопросов, заданных на этом языке. Он не смог ответить ни на один из них. Остается признать очевидное: господин Леклер либо никогда не был моим учителем, либо... - я бросила ледяной взгляд на багровеющее лицо Олафа и его побледневшего адвоката, - является лжесвидетелем, нанятым для клеветы. В любом случае его показания не могут иметь ни малейшего веса.

Образ «надежного» свидетеля обвинения рассыпался в пыль, и в этой пыли, медленно оседающей в луче из зарешеченного окна, я заметила первые трещинки в уверенности моих противников.

По просьбе адвоката Олафа продолжение судебного слушания было перенесено на завтра.

Что ж, значит, эта трагикомедия может превратиться в многосерийный фильм, а этого мне не очень хотелось. Хотя...

Пока я в теле молодой вдовы отстаиваю её наследство, то, по крайней мере, чувствую себя живой и работоспособной. Кто знает, что меня может ожидать на Небесах?

Наконец, выйдя в коридор из душевой комнаты, прямо у себя за спиной, сквозь общий гул голосов до меня донеслись слова некоего господина. Мужской баритон насмешливым тоном недвусмысленно произнёс:

- Прожженная вдовушка! Смотри, как гнёт свою линию...

Мир враз поплыл, фраза «прожженная вдовушка» потянула за собой цепь воспоминаний, которую я со всей тщательностью пыталась замуровать в своей памяти.

Я вновь мысленно оказалась на грязном полу какого-то старого дома. В носу стояла вонь от сырой штукатурки, махорки и копченой колбасы. Я прикована к ржавой батарее с пыльным мешком на голове.

- Прожженная вдовушка, - усмехнулся один из стороживших меня громил. – Молчит, не рыпается. В самый раз слезы лить по своему муженьку, а её словно ничем не пронять...

Яков Левин, успешный адвокат, кому-то перешёл дорогу...

Сначала взяли меня, чтобы держать его в узде. Но муж не пошёл на уступки. Его клиентура – криминальные авторитеты, «братки», жила по своим мерилам, нередко решая проблемы вне закона. Видимо, он кого-то переиграл или просто стал слишком осведомленным.

Эти четыре дня «на грани», когда я не знала, что с ним случилось, превратились в целую вечность ожидания. В моей памяти четко отпечатался наш последний поцелуй, когда он уходил из дома прямо в ночь, и я, наконец, поняла, как сильно Левин меня любит...

А потом за мной пришли...

Вася Денежный, с виду меланхоличный интеллигент, в отличном, неброском костюме, смотрел на меня не с жалостью, а с холодной оценкой. Его люди обезвредили моих охранников без единого выстрела и вывели меня из этого жуткого дома.

- Извини за этот бардак, Екатерина, - голос у него был глуховатый, без интонации. – Яшу уже не вернуть. Его машину взорвали. Но я в долгу перед ним...

Он не стал объяснять, что это был за долг, да и мне, признаться, было совсем не интересно. Просто вывел меня на улицу и посадил в черный «крузак» с тонированными стеклами.

- В аэропорту тебя ждут документы на новое имя. Там же сможешь переодеться перед вылетом, так сказать, навести маршефет. Билет в один конец – Италия. Забудь это место, за-

будь мои слова. Для тебя муж погиб в автокатастрофе, иначе следующей можешь стать ты. Мы всё организуем, проводим Адвоката в последний путь, тебе не стоит здесь светиться. В Риме тебя встретит наш человек и отвезет в безопасное место, где придется залечь на дно. Всё поняла?

Я послушно кивнула, пытаясь осмыслить его инструкции и осознать гибель мужа, которого даже не могу похоронить.

Я улетела в тот же день. Дама без чемодана, с бледным, изможденным лицом и опухшими от слез глазами. Меня, действительно, встретил невысокий человечек и отвез в небольшую деревеньку, где я безвылазно провела три года, пока не пришло известие от Василия Парфеновича, как теперь все называли бывшего рецидивиста Васю Денежного, что на мое имя куплена квартира в пригороде Рима и я могу туда при желании переехать...

А теперь этот презрительный шепот в другой реальности оживил во мне ту жажду жизни, которая стала на тот момент всего дороже. Прожженная вдовушка – та, что борется, когда бороться уже бесполезно, и та, что выжила, когда должна была сгинуть.

Глава 15

По пути домой я решила купить тетрадь для каталогизации произведений искусства особняка молодой вдовы. Воздух на улице был влажным и прохладным, пахнувший дымом из труб и далеким морем.

Я уже почти прошла мимо старой писчебумажной лавки господина Эдвардса, но попавшийся на глаза витраж с чернильницами и перьями заставил меня замедлить шаг. Долго не раздумывая, я открыла дверь и оказалась в небольшом помещении, где меня окутал особый специфический запах продаваемых товаров – смесь пыли, воска, свежей бумаги и древесного клея.

Пока я выбирала между тетрадью в темно-синем коленкоре и в простом, но добротном картоне, из-за узкой деревянной стойки, заваленной коробками с конвертами, донеслись голоса. Приглушенные, доверительные, наполненные определенной интонацией, которая бывает только у сплетен, повторяемых вполголоса в укромном уголке.

- А я тебе говорю, Рони, он просто тень прежнего себя, - шипела одна кумушка, считая наверняка, что её никто больше не слышит.

Я притворилась, что с интересом разглядываю гусиные перья, сама не зная, почему замерла.

- Неудивительно, - отозвалась её собеседница. – Пом-

нишь, каким он был? Мистер Вилекс? Высокий, статный, а взгляд – аж мурашки по коже. И в лавке у него всегда был идеальный порядок: телятина – мраморная, окорока – дымчатые, сосиски его собственного копчения...

- Вот-вот, а теперь всё у Беккеров покупать приходится, а у них, сама знаешь, вчерашнее под маринадом выдают за свежее.

Имя «Вилекс» отозвалось в памяти «прозрачной леди», и я мысленно увидела мясную лавку на Хай-стрит, с зелёными фаянсовыми плитками, которая больше месяца уже была закрыта.

- Болезнь говоришь? – продолжали шептаться кумушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.